

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

СОН
В НОВОГОДНЮЮ
НОЧЬ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Курбатова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
rangizzz, Arunas Gabalis / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Сон в новогоднюю ночь / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Великолепные детективные истории).

ISBN 978-5-04-098339-1

Предновогодние деньки для многих — любимое время в году. Улицы и дома сверкают яркими огнями, все торопится выбрать оригинальные подарки, а в воздухе витает настроение праздника! Признанные мастера криминального жанра Анна и Сергей Литвиновы тоже приготовили для читателей презент — сборник новогодних остросюжетных рассказов. Напряженные интриги и захватывающие дух повороты сюжета никого не оставят равнодушным, ведь под Новый год может случиться невероятное!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В.,
Литвинов С.В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098339-1

• СОДЕРЖАНИЕ •

ЗА МИНУТУ ДО НОВОГО ГОДА

7

РЕМЕЙК НОВОГО ГОДА

35

НАГАДАЛИ УБИЙСТВО

97

СМЕРТЬ НА ВЕЧЕРИНКЕ

108

ЛЕДИ ИДЕАЛ

123

ВОЛНЫ МСТИ

181

МОРОЗ ПО ДВОЙНОМУ ТАРИФУ

211

МАФИЯ БЕССМЕРТНА

216

СЕРДЦЕМ НА ВОСТОК

231

СПАСТИ ОЛИГАРХА

255

ВИЗИТ МОЛОДОЙ ДАМЫ

280

РЕВНОСТЬ

295

СМЕРТЬ В ЗАПЕРТОЙ КОМНАТЕ

317

ВСЮ ЖИЗНЬ ВЕЗЕТ

329

• ЗА МИНУТУ ДО НОВОГО ГОДА •

Новый год для меня теперь пуст. И новогодней елки я больше никогда не увижу. Могу лишь вспоминать их — все, что были в моей жизни. Скромнягу с елочного базара, искрящиеся серебром кремлевские державные деревья, крошечную, не больше сигаретной пачки, искусственную елочку... Она была у меня давно, еще в школе. Уже в начале декабря я вытаскивала ее с антресолей и ставила на письменный стол. То и дело отрывалась от уроков, поглядывала на деревце и улыбалась. Тому, что приближается Новый год, а значит, и каникулы.

Но теперь мне остались одни воспоминания. И запахи. Аромат хвои наполнит легкие, елочные иголки защекочат руку... Я могу на ощупь определить размер елки и форму. И даже сказать, что в этом году она удалась на славу — стройная, свеженькая, почти под потолок. Но все это — словно салат без заправки, яхта без парусов, машина без двигателя. Потому что я никогда не увижу, какими цветами мерцает елочная гирлянда. И как в ее свете хвоя кажется то насыщенно-зеленой, то седой, будто бороды Деда Мороза...

Я всеми силами стараюсь смириться и не роптать. Все равно ведь ничего не поделаешь. Но до чего же обидно не участвовать в новогодней суете, а лишь слышать о ней. И *не видеть* — не только елки, но и нового платья, и даже собственного лица в зеркале...

* * *

Загадай она любое другое желание — и Павел бы костыми лег, чтобы его исполнить. О чем обычно грезят двадцатилетние девушки? Новое платье, колечко с бриллиантом, заграничное путешествие?

Но Ангелине все это было не нужно.

Ангелинка, его мечта, его радость — и его боль...

Павлик влюбился в нее, кажется, еще в первом классе. Что за девчонка! Светленькая, зеленоглазая, стройная. Да еще и умница настоящая. Училась, правда, обычно — зато как рисовала! Пара минут, два-три штриха — и портрет готов. Сходство изумительное. К тому же всегда старалась, чтобы своим рисунком не обидеть. У нее даже противная химичка получалась симпатичной. Несмотря на свой нос крючком и огромную бородавку.

Геля вообще была доброй. Павел в их классе почти изгоем считался — очкарик, тихоня, драться не умел и жил в коммуналке. Но Гелечка всегда ему и улыбнется, и волосы в шутку взъерошит, и провожать себя позволяла, хотя над ней и посмеивались: зачем, мол, водишься с каким-то слизнем?

И Павлик так и не понял — она привечала его потому, что знала? Знала всегда, что годом

раньше, годом позже, но неизбежно ослепнет? И просто готовила его как запасной для себя аэродром?

Или все-таки он ей нравился? Хотя бы немного, пусть как друг?..

Но в любом случае: не потеряй Ангелина зрение, их пути разошлись бы навсегда. Она упорхнула бы в яркую, насыщенную жизнь, наполненную вернисажами, перформансами и прочими светскими мероприятиями. А он только бы следил за ее успехами. Издалека, как и положено скромному труженику офиса, безнадежно влюбленному в звезду.

Но только стать звездой Ангелине не удалось.

* * *

И опять пробили куранты. И дом, одновременно с гимном, взорвался криками «ура», во дворе загрохали петарды. А я все повторяла и повторяла, про себя, конечно, свое единственное желание. Растворилась в нем... И даже вздрогнула, когда почувствовала на руке тепло Павлушкиной ладони. Боже мой, опять Павлик. Человек, которого я когда-то терпела из одной жалости. И кто теперь оказался моим единственным собеседником.

— С Новым годом, Паш, — с трудом оторвалась я от своих мыслей.

Получилось сухо, но Павлушка давно уже привык, что с ним я не церемонюсь. Не играю в героиню. Не притворяюсь ни счастливой, ни сильной. Чему мне радоваться? Это у других сегодня праздник, а у меня очередной беспросветный, темный день. День — как ночь.

— Ты опять... загадала это? — тихо спросил Павлуха. — Чтобы поправиться?..

— Нет, — усмехнулась я. — Я хочу колье из бриллиантов.

И кожей, всем телом почувствовала его неуверенную улыбку. И услышала недоуменное:

— Правда?..

Никогда он меня не поймет.

— Господи, нет, конечно, — вздохнула я. — За каким дьяволом мне бриллианты, если я все равно их не увижу?

Сейчас Пашка, конечно, станет меня утешать. Говорить все эти пустые слова: что жизнь пока не кончена. И я могу наслаждаться многим: обществом друзей, хорошей музыкой, вкусной едой...

Но Павлик (неужели он тоже загадал желание — стать мудрей?) неожиданно произнес:

— Послушай, Геля... Ты знаешь, кто такой Петр Мухин?

— Понятия не имею, — буркнула я.

— Да ты что? — возмутился Паша. — Это ж известный олигарх! Половину московских заправок под контролем держит! Да еще и не женат — за ним все московские красотки охотятся! И даже Наоми Кемпбелл. И эта, как ее... Кина Танделаки... Ну, ты и темная...

— Темная — это да, — вздохнула я.

И опять прямо физически почувствовала, как несчастный парень покраснел. И зачем, интересно, я его мучаю?.. Ну, слово выбрал неудачное — а по, сути-то, Пашка прав. Я действительно темная. Не только в плане зрения — во всех смыслах. Хотя времени и полно, телевизор я почти не включаю, радио не слушаю.

10 Ну, неинтересна мне светская хроника! Сама я

бы за олигархом поохотилась, а собирать чужие сплетни не хочу.

— Ладно, Павлуша, не страдай, — миролюбиво произнесла я. — Так к чему ты про Мухина речь завел?

— Я... я, понимаешь, не хотел тебе говорить, пока все точно не решится... но сегодня ведь Новый год. А ты расстроенная совсем...

— Ну?

— Короче, еще в декабре я прочитал, что у Мухина, помимо прочих фирм, есть свой фонд благотворительный. Серьезный такой: с офисом, куча людей в штате. Оплачивают операции, в том числе и за границей. Рассматривают все обращения. И помогают, заметь, не только детям.

Мое предвкушающее настроение испарилось бесследно.

— Ох, Павлик, опять двадцать пять, — проворчала я. — Я тебе тысячу раз уже говорила: эти благотворители — они только за верные случаи берутся. Если какая-нибудь тетя Клава без операции стопроцентно умрет. А мне-то с какого перепуга помогать? У меня ж не рак. А жизни слепота никак не угрожает.

— Не таракти, — перебил меня Паша.

— Чего-чего?

— Встречался я уже с Мухиным. С самим лично.

— Ты?!

— А что, ничего сложного. Он всех принимает, если по записи и документы на руках. А я ж ксерокопии с твоих справок давно снимал... И фотографию твою ему показал.

Паша сделал паузу. Ох, можно и не видеть,

но чувствовать, как мальчик сейчас просто лопается от гордости.

— И что... сказал Мухин? — Мой голос, кажется, дрогнул.

— Что ты очень красивая, — тихо произнес Паша. — И что ему тебя искренне жаль. И он обязательно постарается помочь... При первой возможности.

— Благодарим за обращение в наш фонд, однако в настоящий момент ваша просьба не может быть удовлетворена, — горько произнесла я.

— И еще Мухин просил, — спокойно продолжал Павлик, — чтоб ему этот твой немецкий профессор написал. Ну, про перспективы, как проходит операция и сколько она стоит...

— А, считай, он тебя послал, — отмахнулась я.

Фонды — они помогают только тем, кому помочь можно. А мой диагноз — пигментный ретинит — считается приговором. Возьми любой справочник, спроси даже самого продвинутого профессора и получишь ответ: ретинит — *неизлечимое наследственное заболевание, в настоящее время ни терапевтическим, ни хирургическим методам лечения не поддается.*

Встречаются, конечно, и шарлатаны — всех уровней и мастей, — кто самонадеянно берется исцелить. И я к некоторым из таких ходила, а верный Павлик безропотно оплачивал консультации. Но только даже мне, с моим не самым огромным жизненным опытом, хватило ума, чтоб понять: не исправишь органическое поражение зрения никакой лекарственной травой. И уж тем более не помогут магические заклинания.

И только единственному человеку — профессору Штайну из Мюнхенской экспериментальной клиники — я поверила. Хотя тот, в отличие от магов с целителями, громких обещаний не давал. В первом же письме (мне читал его Павлик) написал, что на собственные глаза я рассчитывать уже не могу. Никак. Единственное, что возможно, — имплантировать ретинальный протез. Микрочип, воспринимающий свет и передающий информацию нервным волокнам. Однако метод этот — абсолютно непробированный, клинические испытания только в самом начале. И еще крайне дорогостоящий. Под миллион евро...

И я долго надеялась, что мне удастся раздобыть этот злосчастный миллион. Однако редкие из оставшихся друзей только сочувственно повздыхали, но никто и рублем не помог (да и откуда у моих ровесников деньги?). На мое письмо в Минздрав даже ответа не пришло. Да и от бесчисленных фондов толку оказалось мало. С порога, конечно, не посылали, притворялись, что сочувствуют, только ни один из них ничего путного не предложил. Даже на обследование поехать. Они ведь, хоть и благодотворители, а деньги считают четко. Куда проще (и эффективнее в плане пиара) спасти за сто тысяч евро жизнь умирающему ребенку, чем возвращать за сумасшедшие деньги зрение мне. Как сказала очередная чиновница: «В России — слепых сотни тысяч. И никто не жалуется».

И этот олигарх — он тоже, конечно, ничего не сделает.

...А Павлик все что-то говорит и говорит.

— Так я напишу этому твоему профессору? Попрошу его связаться с Мухиным?

— Ох, Паш, да делай ты, что хочешь, — вздохнула я.

Приятно, когда тебе пытаются помочь — пусть и такие никчемные люди, как Пашка. Только ничего у него не получится. Зря я надеялась, что желание, загаданное под бой курантов, исполнится.

* * *

Новогодние каникулы прошли скучно — как, впрочем, и вся моя теперешняя жизнь. Сплошная череда пустых дней, когда просыпаешься, завтракаешь, а уже к полудню начинаешь ждать вечера. Того момента, когда тебя наконец смотрит спасительный сон... Может быть, кто-то из моих братьев по несчастью и умеет заполнять свое незрячее время, но лично я совершенно потерялась. Ведь все, что я когда-то любила — рисовать, готовить, рассматривать модные фасоны в журналах и магазинах, кататься на лыжах, строить мужчинам глазки, наконец, — теперь оказалось недоступно... Только и остается, что часами валяться в кровати, слушать музыку и, когда настроение становится совсем уж паршивым, рисовать. По памяти. Карандашом. Я не знала, что у меня получается — но рисовала все равно.

А в первый рабочий день (для меня столь же пустой, как и каникулы) случилось неожиданное. Ровно в девять утра загремел телефон. Голос в трубке был женским. Незнакомым и очень деловым:

— Ангелина Аркадьевна? Вас беспокоят из Фонда Мухина. Скажите, у вас есть загранпаспорт?

— Д-да... — растерянно пробормотала я.

— Отлично, — равнодушным голосом откликнулась женщина. — Тогда мы вас оформляем на ближайшую возможную дату. Приготовьте две фотографии три на четыре и сегодня в течение дня ждите курьера — он отвезет документы на визу.

А сразу после позвонил ликующий Пашка:

— Ну, я же говорил тебе, что добыю их?!

И уже через неделю я вылетала в Германию. Не верила в удачу до последнего момента. Даже когда привезли документы и верный Павлик перечел мне их все, до строчки, — и приглашение от немецкого профессора, и оплаченную платежку на пребывание в клинике, и гарантийное письмо, что фонд Мухина обязуется оплатить все дополнительные медицинские процедуры, буде они потребуются... И пока чемодан собирала, опять же с Пашкиной помощью, тоже казалось, что все происходящее — розыгрыш. И даже когда такси несло меня в международный аэропорт, я по-прежнему думала: все происходит не со мной...

Павлик меня проводить, к сожалению, не смог, и в бестолковом, переполненном новыми для меня запахами и звуками Шереметьеве я совершенно потерялась. Это только в цивилизованной Европе инвалиду не дают пропасть. А у нас — толкали да шипели, что я под ногами путаюсь. Совершенно идиотская ситуация: что регистрация идет — знаю, и на каких стойках — тоже, а вот как их найти, не имею ни малейшего понятия. Спасибо, какая-то тетка, в